



УДК 908(470)

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.11>А. Ю. Перетятко
К. Т. Абдуллаева**ВЫУЧЕННАЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ КАК ФАКТОР ОБЕДНЕНИЯ
ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.**

В статье предпринимается попытка проанализировать психологические причины обеднения донских казачьих хозяйств конца XIX – начала XX вв. До настоящего времени не предпринималось попыток применять наработки современной психологии для изучения истории казачества. Более того, некоторыми современными авторами отмечается абстрактность исторической психологии как научной дисциплины, ее неприменимость для решения конкретных исторических проблем. Между тем, еще в 1890 г. крупный исследователь донского казачества, Н.А. Маслаковец, отмечал, что обеднение казачьих хозяйств вызвано как объективными социально-экономическими, так и субъективными психологическими причинами. Вопрос об отсутствии у казаков «личной энергии» в хозяйственной деятельности подробно рассматривался так называемой «комиссией Н.А. Маслаковца», заседавшей в Новочеркасске в 1899 г. Однако в историографии вопрос о субъективных психологических причинах обеднения донского казачества не ставился вовсе. Между тем описание психологических проблем казаков современниками позволяет четко классифицировать главную проблему донского казаче-

ства как синдром выученной беспомощности. Судя по всему, он начал формироваться в середине XIX в., когда донское казачество оказалось в стрессовых и неподконтрольных ему условиях развития товарной экономики и роста повинностей (ситуативная беспомощность), а в казачьей среде подчинение внутри семьи было дополнено введением военной дисциплины в гражданской жизни (личностная беспомощность). При этом из состояния синдрома выученной беспомощности достаточно трудно выйти самостоятельно, и, с точки зрения современной психологии, он должен рассматриваться как значимый фактор обеднения казачьих хозяйств.

Ключевые слова: историческая психология, выученная беспомощность, психология отношений с государством, донское казачество, обеднение казачьих хозяйств, комиссия Н.А. Маслаковца.

Для цитирования: Перетятко А. Ю., Абдуллаева К. Т. Выученная беспомощность как фактор обеднения донского казачества на рубеже XIX – XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 250–257. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.11

Artyom Yu. Peretyatko
Karina T. Abdullaeva**LEARNED HELPLESSNESS AS A FACTOR OF IMPOVERISHMENT
OF THE DON COSSACKS AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES**

The article attempts to analyze the psychological cause for the impoverishment of the Don Cossacks in the late 19th and early 20th centuries. Attempts to apply the developments of modern psychology to study the history of the Cossacks have not been made up to the present time. Meanwhile, back in 1890 a major researcher of the Don Cossacks N.A. Maslakovets noted that the impoverishment of the Cossack farms is caused by both objective socio-economic and subjective psychological causes. The question about the Cossacks' lack of «personal energy» in economic activity was considered in detail by the so-called «commission of N.A. Maslakovets», which met in Novocherkassk in 1899. However, historiography did not raise the question about the subjective psychological causes for the impoverishment of the Don Cossacks. Meanwhile, the description of the psychological problems of the Cossacks by their contemporaries makes it possible to clearly classify the main problem of the Don Cossacks as a syndrome of learned helplessness. Apparently, it began to form in the middle of the 19th century, when the Don

Cossacks found themselves in stressful and uncontrollable conditions for the development of a commodity economy and the growth of duties (situational helplessness), and in the Cossack environment, subordination within the family was supplemented by the introduction of military discipline in civil life (personal helplessness). At the same time, it is rather difficult to get out of the state of learned helplessness syndrome on our own, and, from the point of view of modern psychology, it should be considered as a significant factor in the impoverishment of Cossacks.

Keywords: historical psychology, learned helplessness, psychology of relations with the state, Don Cossacks, impoverishment of Cossack farms, commission of N. A. Maslakovets.

For citation: Peretyatko A.Yu., Abdullaeva K. T. Learned helplessness as a factor of impoverishment of the Don Cossacks at the turn of the XIX-XX centuries // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 250–257. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.11

Использование теоретических моделей современной психологии при изучении истории донского казачества представляется нам крайне перспективным направлением. Этому способствует сама историографическая ситуация: если в советской историографии история казачества трактовалась преимущественно как история социальной группы, и основное внимание исследователей привлекали социально-экономические процессы, то в последние десятилетия наметился очевидный поворот к персонализации донской истории, к «населению» прежде почти безличного исторического ландшафта конкретными фигурами [21, р. 210]. Однако при этом историки пытаются анализировать психологические особенности явлений, наблюдавшихся в прошлом, не обладая специальными психологическими знаниями.

Подобная ситуация вообще является типичной для российской историографии. А породила ее специфика исторической психологии как научной дисциплины. Так, известный ростовский ученый В. А. Шкуратов, выступая в МГУ на заседании Московского общепсихологического семинара с докладом «Существует ли еще историческая психология?», прямо заявил, что конкретные практические результаты применения данной дисциплины крайне незначительны [10, с. 389]. О.М. Морозова, автор ряда биографических работ, в которых производится мировоззренческая и психологическая реконструкция личностей их героев, пришла к выводу, что что на данный момент «общая теоретическая база» исторической психологии отсутствует, и поэтому каждый историк, обращаясь к проблемам психологии прошлого, «создает собственный набор приемов работы», причем эти приемы порой даже не описываются детально [10, с. 389-390].

Между тем применение наработок современной психологии при изучении истории донского казачества позволяет не только уточнить частные вопросы биографического характера, но и иначе взглянуть на некоторые принципиально важные сюжеты. Наиболее рельефно это видно на примере обеднения казачьих хозяйств, имевшего место в конце XIX – начале XX вв.

Оценка психологических причин обеднения донских казачьих хозяйств современниками

Традиционно процесс обеднения казачьих хозяйств в конце XIX – начале XX вв. принято связывать с растущим казачьим малоземельем: подобный подход был характерен как для современников, так и для советской историографии [1, с.147–149]. В последние годы появлялись работы, критикующие данную точку зрения и связывающие обеднение казачьих хозяйств, например, с ростом стоимости снаряжения на службу [14, с.156–167]. Однако на научном уровне до настоящего времени специально анализировались только объективные социально-экономические причины обеднения донского казачества.

Между тем один из крупнейших дореволюционных правительственных специалистов по казачьим войскам, генерал от инфантерии Н. А. Маслаковец, связывал обеднение казачьих хозяйств преимущественно с субъективными психологическими причинами. Самое развернутое его высказывание на этот счет звучит так: «Донской казак, после трехсотлетнего славного прошлого войска Донского, мог очутиться, вовсе им, быть может, не заслуженно, если и не на пороге полного разорения, то, во всяком случае далеко не в благоприятных экономических условиях естественно лишь потому, что не успел как бы следовало ориентироваться в целой массе нахлынувших на него новых нравственных, культурных и служебных условий, с серьезным влиянием которых, как в данном случае и не совсем благоприятным, казаку, с его устаревшим мировоззрением и не вполне отвечающими современным обстоятельствам хозяйственными приемами, справиться уже очень затруднительно» [9, с. 4]. Позиция Н. А. Маслаковца вызвала бурные споры среди донских чиновников и общественных деятелей, а вот позднейшими учеными ее обоснованность никогда специально не изучалась.

Современниками же вопрос о соотношении объективных социально-экономических и субъективных психологических причин обеднения казачества подробнее всего рассматривался в рамках работы «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния», или «комиссии Н. А. Маслаковца» (по фамилии председателя), заседавшей в Новочеркасске в 1899 г. Казачье большинство комиссии связывало обеднение казаков с объективными факторами (в частности, как раз, со «стеснением станичных обществ в юртовых земельных довольствиях» и с ростом требований по несению военной повинности) [15, с. 136]. А вот ее председатель, не отрицая важности этих факторов, в очередной раз заявив, что не следует сбрасывать со счетов и фактор «личной энергии и настойчивости местного населения в сфере сельскохозяйственной его деятельности» [15, с. 136]. По мнению Н. А. Маслаковца, прежде всего самим казакам следовало «оставить легкий, пассивный образ косного существования, поддерживаемый сдачею земель в арендное содержание» и «вступить на серьезный, освященный знанием и опытом путь личной инициативы и активной деятельности в сфере эксплуатации окружающих их естественных богатств природы» [12, л. 10]. И именно поэтому, как всячески подчеркивал генерал, власти должны были оставаться очень осторожными в своей помощи казачеству: хотя помочь беднеющим казакам было, безусловно, необходимо, следовало опасаться

причинить «еще более трудно поправимое зло» «потворством укоренившимся в той или другой части казачьего населения дурным привычкам и личной беспечности» [12, л. 10 – 10об].

Выступление Н.А. Маслаковца вызвало крайне бурную реакцию на Дону. Один из членов его комиссии, А. А. Донецкий, даже произнес целую речь, в которой обвинял председателя в том, будто бы он оскорбил казачество необоснованными обвинениями и не объяснил, каким образом хозяйственная пассивность и бездеятельность могли развиваться среди жителей Дона, в прежние времена их не проявлявших: «Никому еще не приходилось наблюдать того, что мощные телом, бодрые духом и предприимчивые люди вдруг ни с того, ни с сего, по мановению какого-то волшебного жезла, в массе своей как-то разом становятся празднолобцами» [15, с. 157]. Однако нашлись и люди, полностью поддерживавшие мнение Н. А. Маслаковца. Новочеркасский прокурор А. А. Чигринцев обратился к нему с частным письмом, в котором отмечал, что, по существу, многие утверждения самого А.А. Донецкого как раз и сводятся к следующему: «Пусть мол, в России живут как хотят, а у нас, на Дону, по словам Донецкого, государство должно прийти на помощь к казакам, улучшить их экономическое благосостояние в настоящем и упрочить безбедное существование в будущем» [12, л. 4об].

Наконец, с очень интересным докладом, во многом подведшим итог данной дискуссии, выступил другой член комиссии Н. А. Маслаковца, П. Г. Мордвинцев. Хотя его выступление было несколько сумбурным (возможно, из нежелания открыто критиковать власти), П. Г. Мордвинцев, с одной стороны, признал, что в принципе богатств донского края и размеров казачьих наделов достаточно для благосостояния проживающих на них людей, но, с другой стороны, подчеркивал, что реальные казаки не обладают такими навыками и качествами, с помощью которых они могли бы извлечь из своей земли это благосостояние, а местная администрация не только не пытается данные качества развить, но и, напротив, часто убивает их в зародыше [15, с. 173–177]. В частности, П. Г. Мордвинцев указывал на неуважение властей к личному достоинству казаков, постоянное вмешательство администрации в деятельность их хозяйств, причем в самой уничижительной форме, вследствие чего «энергия духа казачьего населения» подтачивалась сверху [15, с. 176–177]. Таким образом, речь П. Г. Мордвинцева смогла соединить позиции Н. А. Маслаковца, А. А. Чигринцева и А. А. Донецкого воедино: из нее следовало, что психологическая проблема, недостаточная энергичность казаков в занятиях хозяйством, действительно была важнейшим фактором обеднения донского казачества, но эта проблема возникла не случайно и не по

вине казаков, но была сформирована ошибочной государственной политикой, в рамках которой власти выдвигали к казакам завышенные требования, не только не помогая, но и мешая в их достижении, а затем вмешивались в деятельность «не справившихся» с повинностями казачьих хозяйств. И именно после данной речи дискуссии о психологических причинах обеднения казачества в комиссии Н. А. Маслаковца прекратились, из чего можно сделать вывод, что высказанные П. Г. Мордвинцевым идеи удовлетворили всех ее членов.

Итак, специальная комиссия, созданная по указу лично Николая II и детально исследовавшая экономическое положение казаков, комиссия, результаты работы которой высоко оцениваются современными историками [17, с. 268–273], пришла к выводу, что нельзя объяснить обеднение казаков в конце XIX в. без учета субъективных психологических факторов. Однако этот вывод не нашел развития у позднейших авторов, и большинство историков до сих пор предпочитает, подобно членам этой комиссии до выступления Н. А. Маслаковца, объяснять экономические проблемы казачьих хозяйств их объективным обезземеливанием. Это естественно связать с тем, что историкам куда проще описывать экономические, чем психологические процессы: в конце концов, даже понять, насколько серьезным препятствием для развития донской экономики стало отсутствие должной «личной энергии» у казаков, без специальных психологических знаний достаточно сложно. Между тем с точки зрения современной психологии описанная членами комиссии Н. А. Маслаковца психологическая проблема может быть достаточно четко классифицирована как синдром выученной беспомощности.

Синдром выученной беспомощности, личностная и ситуативная беспомощность: некоторые особенности

Выученная беспомощность представляет собой состояние человека, сформированное неблагоприятным прошлым или происходящими в данный момент негативными событиями, неподконтрольность и непредсказуемость которых порождает пассивность, отсутствие самостоятельности и мотивации действовать. Человек, проявляющий симптомы выученной беспомощности, нуждается в помощи, поддержке и опеке со стороны окружающих, он не способен делать собственный выбор, нести за него персональную ответственность [18, с. 132 – 137].

Беспомощность вообще – это пассивное, неадаптивное поведение, когда человек не улучшает неблагоприятные условия своей жизни, даже когда имеет такую возможность. Беспомощность может быть ситуативной и личностной. В случае донского казачества второй половины XIX в. можно говорить о проявлении обоих вариантов беспомощности. Вот что писал А. А. Чигринцев в своем

письме Н. А. Маслаковцу: «С половины текущего столетия войны стали очень редки <...>, но донская область продолжает быть военным станом, не ведущим войны, но всегда готовым к ней» [12, л. 2]. Социальная группа, испокон веков жившая войной и для войны, рассматривавшая ее как цель своего существования и важный источник обогащения, вдруг оказалась поставлена в совершенно иные условия, условия гражданской жизни внутри Российской империи. Более того, вышестоящие власти кардинально пересмотрели требования к казачьим войскам, в 1860 гг. попытавшись искусственно, сверху развивать «гражданственность» на их территории (что, кстати, вызвало крайнее недовольство на Дону) [8, с.167–174]. Таким образом, донское казачество оказалось в ситуации, к которой было не готово, и к которой не смогло полноценно психологически адаптироваться, что в полной мере отвечает понятию ситуативной беспомощности.

Более сложный и не менее важный для нашего исследования феномен представляет беспомощность личная. Дело в том, что предрасположенность к возникновению выученной беспомощности обычно встречается у людей с хорошо развитой личностной беспомощностью, которая является устойчивым образованием, и входит симптомокомплекс личностных качеств. В основе личностной беспомощности лежит сочетание устойчивых личностных стилевых особенностей. Д. А. Циринг характеризует личностную беспомощность, как «сложное устойчивое образование, формирующееся в процессе онтогенеза и воспитания личности под влиянием, в том числе системы взаимоотношений с окружающими» [19, с. 17]. Структура личностной беспомощности состоит из четырех компонентов, включая в себя волевую, эмоциональную, когнитивную и мотивационную составляющие. Более подробно к вопросу о причинах развития личностной беспомощности у донских казаков мы вернемся ниже, поскольку для его характеристики нужно больше места.

Внешние причины и последствия формирования синдрома выученной беспомощности у донских казаков

Как нельзя лучше о механизме формирования синдрома выученной беспомощности говорит современный психолог Д. А. Жуков: по ее мнению, выученная беспомощность возникает, когда индивидум оказывается в условиях стрессовой ситуации, изменений среды, к которым невозможно приспособиться, невозможно избежать и невозможно предсказать [5, с. 79-86]. Иными словами, толчком к возникновению выученной беспомощности часто становится беспомощность ситуативная. А вот что говорил П.Г. Мордвинцев, объясняя, почему государство должно прийти на помощь казак: «Очевидно, казак запутался; очевидно, что произошел какой-то резкий перелом в его жизни,

который не дал ему ни времени, ни возможности разобраться в новых надвинувшихся на него условиях, разобраться и последовательно перейти от одной формы хозяйства к другой, логически за ней следующей. Этот признак человека, выбитого из колеи, мы проследим» [15, с. 100]. Как мы видим, современники, объясняя психологические проблемы казачества, хотя и использовали терминологию, далекую от современной, но понимали, что утрата казаками «личной энергии» связана со стремительным изменением условий их существования и с неспособностью адаптироваться к этому изменению. Более того, выше мы показали, что ими делалась и оценка того, когда ситуация вокруг казачества резко изменилась. Все вышеуказанное позволяет нам сделать вывод, что выработка у донских казаков выученной беспомощности началась в середине XIX в. («с половины текущего столетия», по выражению А. А. Чигринцева), когда донское казачество оказалось в условиях ситуативной беспомощности.

Е. П. Ильин особенно акцентирует внимание на том, что для развития синдрома выученной беспомощности благоприятной является полностью неподконтрольная индивидуму ситуация, когда результат не зависит от прилагаемых им усилий («сколько не старайся, все без толку») [6, с. 380]. И именно подобную ситуацию мы можем в полной мере наблюдать на Дону во второй половине XIX в. Дело в том, что денежные обязанности казаков перед государством стремительно росли, обрекая на разорение множество казачьих хозяйств независимо от действий самих казаков. Только стоимость покупаемого казаком при выходе на службу снаряжения с 1860 гг. до 1900 гг. выросла примерно втрое, с 70–100 руб. до 250–300 руб. [14, с. 164]. П. Г. Мордвинцев особенно подчеркивал, что в это время наблюдалась и интенсификация казачьих хозяйств, переход от преобладания скотоводства к преобладанию земледелия: если еще в 1870 гг. средняя казачья семья засеивала под хлеб 5 десятин, то к концу 1890 гг. этот показатель вырос до 12 десятин [15, с. 174]. И можно только согласиться его с выводом: первоначально казаки пытались адаптироваться к изменившимся условиям, и им удалось достичь определенных успехов в этом направлении, сменив хозяйственную направленность своих хозяйств на более интенсивную (с натурального скотоводства на товарное земледелие), однако слишком быстрый рост государственных повинностей в долгосрочной перспективе не оставлял им шансов [15, с. 174].

От причин развития синдрома выученной беспомощности в казачьей среде перейдем к последствиям этого явления. С. А. Палеха утверждает, что пораженный синдромом вынужденной беспомощности человек становится пассивным и его поведение теряет адаптивность [13, с.10 –

11]. Действительно, зачем казаку было продолжать прикладывать «личную энергию» к своему хозяйству, если спасти последнее могли только сверхусилия, причем даже они не гарантировали от разорения в будущем, при дальнейшем росте финансового бремени? И еще один член комиссии Н. А. Маслаковца, В. Я. Бирюков, возражая мнению о том, будто бы казаки могли кормиться с существующих наделов, обладая они большей хозяйственной энергией, отвечал: «Говорят еще, что казаки зимой, в свободное от полевых работ время, могли бы заниматься ремеслами. Но почему офицеру, празднично гуляющему по бульварам, не посоветовать в свободное время заниматься, например, адвокатурой, коммерцией, железнодорожной службой и прочая, и прочая. Все специализируются, одни казаки-воины-земледельцы должны быть почему-то энциклопедистами» [15, с. 123]. Таким образом, идея необходимости личных сверхусилий со стороны казаков для сохранения собственных хозяйств некоторыми донскими общественными деятелями отвергалась априори, на том основании, что сравнимые усилия не прилагались привилегированными социальными группами Российской империи.

И нам остается констатировать, что, с точки зрения современной психологической науки, восстановлению благосостояния донских казачьих хозяйств на рубеже XIX–XX вв. препятствовали не только объективные социально-экономические причины, но и причины социально-психологические. В казачьей среде распространялся синдром выученной беспомощности, проявлявшийся в неготовности казаков принимать на себя личную ответственность за свое обеднение и в попытках переложить эту ответственность на государство. Особенно же осложняло ситуацию то, что до этого власти действительно поставили казаков в такие условия, в которых их попытки интенсифицировать свои хозяйства не защищали от разорения, и синдром выученной беспомощности основывался на многолетнем опыте. Можно с уверенностью утверждать: условия конца XIX в. объективно формировали у донских казаков ощущение бессилия, уничтожали их мотивацию самостоятельно решать хозяйственные проблемы, и в итоге многие казаки отказывались от попыток использовать имеющиеся резервы свободного времени для освоения новых навыков, потенциально способных улучшить их положение.

Внутренние факторы формирования синдрома выученной беспомощности у донских казаков

Единичные травмирующие события не могут быть источником формирования выученной беспомощности у крупной социальной группы. Даже в том случае, если эта группа, подобно донским казакам, подвергается воздействию подобных событий систематически, на протяжении

нескольких десятилетий для того, чтобы результатом этого воздействия стало именно формирование синдрома выученной беспомощности, желательно наличие некоторых других факторов. Так, как мы писали выше, синдром выученной беспомощности легче формируется у людей, у которых выработана беспомощность личностная. Другим значимым фактором в формировании синдрома являются социально-психологические отношения: отношения в семье, отношения в школе и отношения с близким окружением.

С наибольшей вероятностью выученная беспомощность формируется в семьях, где присутствуют жесткие и непоследовательные в своем воспитании родители с доминирующей гиперпротекцией и повышенной моральной ответственностью [20, с.174 – 175]. И здесь нельзя не отметить, что для донских казаков второй половины XIX в. были характерны большие патриархальные семьи. Хотя наметилась и тенденция к разрушению подобных семей, общественное мнение в станицах обычно стояло на стороне родителей. Интересно отметить, что, когда в конце 1870 гг. другая специальная комиссия выясняла причины обеднения донских казаков, представители ряда станичных обществ заявили, что одной из причин проблемы является непочтительность детей к родителям. Так, представители Дурновского и Павловского станичных обществ требовали, «чтобы дети, преждевременно и без всяких причин от родителей не уходили, а были в полном их повиновении и подчинении» [3, л. 72 об – 73]; Иловлинское и Качалинское станичные общества шли еще дальше, призывая дать им право «рассматривать жалобы родителей на их детей, в случае явного их неповиновения, преднамеренной уклонности от присмотра за хозяйством, и над теми, которые, без всяких причин, оставили престарелых родителей без призрения, принимать исправительные меры: делать внушения на сходах и содержать под арестом», причем дополнительно отмечалось, что прежде станичные общества имели куда больше способов борьбы со «своеволием детей» [3, л. 105 об – 106]. Между тем, закрепление командных функций за главой патриархальной семьи оставляет всем домочадцам только роли покорных исполнителей. Таким образом, патриархальная специфика казачьих семей и воспитание, предполагавшее полное подчинение родительской воле (с угрозой публичного наказания станичным обществом за неповиновение), способствовали формированию у молодых казаков личностной беспомощности.

В виду ограниченности объема статьи не будем здесь подробно останавливаться на отношениях казаков в школе (учебные заведения даже в 1890 гг. посещались далеко не всеми казачатами) и с ближайшим окружением (и так понятно, что поголовная военная служба с ее дисципли-

ной и подчинением способствовала формированию личностной беспомощности). Просто отметим, что члены комиссии Н. А. Маслаковца как раз много жаловались на то, что даже местные, станичные власти в 1880–1890 гг. стали лишать недовольных казаков права голоса в хозяйственных делах станицы, ссылаясь как раз на военную дисциплину: «Не успеет «супортивник» <решений начальства> – как их называют станичники – раскрыть рот и произнести два-три протестующих слова, как сию же минуту отдается приказ об аресте, и его на глазах всего сбора волокут в станичную тюрьму, где он просиживает двое-трое суток на хлебе и воде» [15, с. 133 – 134]. Отметим, что, по мнению членов комиссии Н.А. Маслаковца, подобное ужесточение дисциплины за пределами военной службы тоже наметилось с середины XIX в., а до этого казаки пользовались в гражданской и общественной жизни свободой и самоуправлением [15, с. 124]. Таким образом, до этого времени формирование личностной беспомощности у молодых казаков в семье и на службе в определенной степени нивелировалось традиционными казачьими привилегиями, но к 1890 гг. баланс в этой области так же был разрушен недалекими действиями властей.

Итак, уникальность случая донского казачества состоит в том, что в его среде феномен вынужденной беспомощности не существовал исторически, а был сформирован ошибочной политикой имперских властей во второй половине XIX в. И эта политика была вдвойне ошибочна: донское казачество не только оказалось поставлено в условия ситуативной беспомощности, но и одновременно произошло усиление элементов личностной беспомощности в его среде, порожденное разрушением баланса между семейной и военной дисциплиной и свободой и самоуправлением в гражданской и общественной жизни.

Усугубление проблем вынужденной беспомощности донского казачества

Итак, в среде казаков второй половины XIX в. все большее распространение получало желание заботы, опеки и покровительства со стороны государства, а также перекладывание ответственности за все, что происходит в регионе, на власть. Вместо того, чтобы решать сложившиеся проблемы самостоятельно, представители казачества надеялись на помощь имперских властей. Собственно, примером этого была сама комиссия Н. А. Маслаковца, созданная по инициативе снизу, вследствие ходатайства донских дворян [4, л. 2-3 об]. И эта комиссия отработала блестяще, выявив не только объективные социально-экономические проблемы обеднения казачества, но и вскрыв более глубинную и неочевидную проблему, существование синдрома выученной беспомощности у казаков.

Однако имперские власти избрали наихудший вариант действий, не только не начав борьбу с этим синдромом, но и усугубив его распространение в казачьей среде. Все сущностные предложения комиссии Н.А. Маслаковца, направленные на возрождение «личной энергии» казаков были проигнорированы, а принято было предложение, максимально подчеркивающее несамостоятельность донцов и их зависимость от государства: было постановлено выделять каждому казаку при снаряжении на службу 100 руб. на покупку лошади [16, л. 57]. Более того, прибывший на Дон лично военный министр А. Н. Куропаткин публично заявил, что «в упадке экономического благосостояния Донского края виновны прежде всего сам казак и его ближайшее окружение» [16, л. 51об]. Далее он отметил, что казачьи хозяйства экономически неэффективны, имеющиеся ресурсы используются ими нерационально, а многие потенциальные экономические резервы не применяются вовсе [16, л. 51об-52]. О вине же государства в сложившейся ситуации А. Н. Куропаткин не счел нужным упоминать. Зато он призвал казаков усерднее трудиться, «ведь не все же рассчитывать на пособия от правительства» [16, л. 52]. Итак, хотя комиссия Н. А. Маслаковца однозначно показала, что вину за разорение казаков в первую очередь нужно возложить на власти, и даже упадок «личной энергии» казаков был во многом вызван неверной государственной политикой в их отношении, в пространстве официальной риторики Российская империя не только осталась невиновной в этом, но и, напротив, казаков обвинили в собственном разорении, а имперские власти позиционировались как благодетели, в этой ситуации пришедшие им на помощь.

Таким образом, если с точки зрения объективных социально-экономических отношений донское казачество получило помощь, то его субъективные психологические проблемы были только усугублены. Хотя внутри комиссии Н. А. Маслаковца ее членам удалось, несмотря на первоначальные обвинения и конфликты, осознать существование у казаков проблем с «личной энергией» и даже грамотно проработать ее причины, признав обоюдную вину казаков и государства, полученные результаты не стали достоянием общественности. Вместо этого государство снова поставило донское казачество в ситуацию одновременно стрессовую (гордым казакам было объявлено о их новой вине) и неподконтрольную (казакам была предоставлена односторонняя помощь сверху, никак не зависящая от их усилий). Между тем, как мы показали выше, синдром выученной беспомощности является достаточно серьезной психологической проблемой, в большинстве случаев неразрешимой без поддержки окружения. Итак, донское казачество начала XX в. продолжало страдать от психологических проблем, и его экономические проблемы (а, возможно, и социальная агрессия в отношении иногородних) не могут быть в полной мере осознаны без понимания этого факта.

Список литературы

1. Волвенко А. А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2017. 226 с.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 28.
3. ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85.
4. ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682.
5. Жуков Д.А. Роль неконтролируемого стресса в детерминации рискованного поведения // Известия РГПУ. 2010. №136. С. 79–86.
6. Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб.: АСТ, 2011. 380 с.
7. Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив. 1896. Кн. 12. С. 569–591.
8. Карасев А. А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167–174.
9. Маслаковец Н.А. Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донецкого. Новочеркасск: б. и., 1899. 11 с.
10. Морозова О. М. У истоков нового подхода: к сорокалетию публикации статьи И.Г. Белявского и А.П. Пронштейна «Некоторые психологические аспекты отражения действительности в исторических источниках» // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2014. С. 386–390.
11. Морозова О. М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010. 274 с.
12. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1055. Д. 24.
13. Палеха, С.А. Выученная беспомощность в системе обучения // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 5. С. 10–11.
14. Перетягко А. Ю. О причинах экономического кризиса казачества накануне XX в.: динамика цен на казачье снаряжение в 1860–1890 гг. // Новое прошлое/The New Past. 2018. № 3. С. 156–167.
15. Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б. м.: б. и., 1899. 289 с.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 48.
17. Скорик А.П. Проблемы и противоречия традиционного быта донских казаков на рубеже XIX – XX вв. (о результатах работы комиссии Н. А. Маслаковца) // Модернизация полиэтнического макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития. Ростов-на-Дону: издательство ЮНЦ РАН, 2014. С. 268–273.
18. Хрушкова К. А. Выученная беспомощность как социально сформированный феномен // Осознание культуры – залог обновления общества. Перспективы развития современного общества. Севастополь: Рибест, 2020. С. 132–137.
19. Циринг Д.А. Личностная беспомощность у студентов: психологическое содержание структурных компонентов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура. 2006. № 8. С. 17–21.
20. Циринг Д.А., Пономарева И.В. Психологические функции личностной беспомощности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 174–175.
21. Rajović G., Krinko E.F., Vazero A.G., Trailovic M. Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I // Bylye Gody. 2019. 51(1): 209–218.

References

1. Volvenko A. A. Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperijskij period (II pol. XIX – nach. XX vv.) (Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half XIX - beginning of XX centuries). Rostov-on-Don: The publishing house of RSUE (RINCh), 2017. 226 p. (in Russian).
2. State archive of the Rostov region (GARO). F. 243. Inv. 1. D. 28.
3. GARO. F. 301. Inv. 10. D. 85.
4. GARO. F. 410. Inv. 1. D. 682.
5. Zhukov D.A. Rol' nekontroliruemogo stressa v determinatsii riskovannogo povedeniya (The role of uncontrolled stress in the determination of risky behavior) // Izvestiya RGPU. 2010. No. 136. P. 79–86 (In Russian).
6. Il'in E.P. Rabota i lichnost'. Trudogolizm, perfektsionizm, len' (Work and personality. Workaholism, perfectionism, laziness). St.Petersburg: AST, 2011. 380 p. (In Russian).
7. Karasev A.A. Zapiska knyazya A. M. Donduкова-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo (Note by Prince A. M. Dondukov-Korsakov about the Don Host Oblast) // Russkii arkhiv. 1896. Vol. 12. P. 569–591 (In Russian).
8. Karasev A.A. Bunt na Donu v 1862–1863 godakh (Riot on the Don in 1862–1863) // Istoricheskii vestnik. 1900. No. 80. P. 167–174 (In Russian).
9. Maslakovets N. A. Predstavlenyye g. Predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Donetskogo (Submitted by the Chairman of the Commission considerations of reports of Mordvintsev, Biryukov and Donetskii). Novocherkassk, 1899. 11 p. (In Russian).
10. Morozova O.M. U istokov novogo podkhoda: k sorokaletiyu publikatsii stat'i I.G. Belyavskogo i A.P. Pronshsteina «Nekotorye psikhologicheskie aspekty otrazheniya deistvitel'nosti v istoricheskikh istochnikakh» (At the origins of a new approach: to the fortieth anniversary of the publication of the article by I. G. Belyavsky and A. P. Pronshstein «Some psychological aspects of the reflection of reality in historical sources») // Nauchnoe nasledie professora A. P. Pronshsteina i aktual'nye problemy razvitiya istoricheskoi nauki (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiiskogo uchenogo): materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 4–5 aprelya 2014 g.). Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya, 2014. P. 386–390 (In Russian).

11. Morozova O. M. Tsari, kazaki, krasnye komandiry... Sem' ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta (Tsars, Cossacks, Red commanders ... Seven essays in the genre of historical and psychological portrait). Rostov-on-Don: The publishing house of SSC RAS, 2010. 274 p. (In Russian).
12. Department of manuscripts of Russian national library (OR RNB). F. 1055. D. 24. (In Russian).
13. Palekha, S.A. Vyuchennaya bespomoshchnost' v sisteme obucheniya (Learned helplessness in the training system) // APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2017. No. 5. Pp. 10–11. (In Russian).
14. Peretyat'ko A. Yu. O prichinakh ekonomicheskogo krizisa kazachestva nakanune XX v.: dinamika tsen na kazach'e snaryazhenie v 1860-1890 gg. (On the causes of the economic crisis of the Cossacks on the eve of the XX century: the dynamics of prices for Cossack equipment in the 1860–1890) // Novoe proshloe/The New Past. 2018. No. 3. P. 156–167 (In Russian).
15. Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti (Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region). Without a place: without a press, 1899. 289 p. (In Russian).
16. Russian state historical archive (RGIA). F. 1263. Inv. 4. D. 48. (In Russian).
17. Skorik A. P. Problemy i protivorechiya traditsionnogo byta donskikh kazakov na rubezhe XIX-XX vv. (o rezul'tatakh raboty komissii N. A. Maslakovtsa) (Problems and contradictions of traditional life of don Cossacks in the XIX-XX centuries (based on the results of the work of the Commission of N. A. Maslakovets) // Modernizatsiya politicheskogo makroregiona i sopol'mnykh gosudarstv: opyt, problemy, stsennariy razvitiya. Rostov-on-Don: The publishing house of SSC RAS, 2014. P. 268–273 (In Russian).
18. Khrushkova K. A. Vyuchennaya bespomoshchnost' kak sotsial'no sformirovannyi fenomen (Learned helplessness as a socially formed phenomenon) // Osoznanie kul'tury – zalog obnoveniya obshchestva. Perspektivy razvitiya sovremennogo obshchestva. Sevastopol': Ribest, 2020. P. 132–137 (In Russian).
19. Tsiring D. A. Lichnostnaya bespomoshchnost' u studentov: psikhologicheskoe sodержание strukturnykh komponentov (Personal helplessness in students: psychological content of structural components) // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie, zdoravookhraneniye, fizicheskaya kul'tura. 2006. No. 8. P. 17–21 (In Russian).
20. Tsiring D.A., Ponomareva I.V. Psikhologicheskie funktsii lichnostnoi bespomoshchnosti (Psychological functions of personal helplessness) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. No. 357. P. 174–175 (In Russian).
21. Rajović G., Krinko E. F., Vazero A. G., Trailovic M. Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I. // Bylye Gody. 2019. No. 51(1) P. 209–218 (In Russian).

Сведения об авторах

Перетятко Артем Юрьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель Таганрогского института имени А.П. Чехова – филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) / ArtPeretatto@yandex.ru

Адрес: 48, ул. Инициативная, 347936, Таганрог, Российская федерация.

Абдуллаева Карина Турсуналиевна – психолог Медицинского центра «Ревиталь» / Carina1982@mail.ru

Адрес: 31, Оренбургский пер., 344000, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Information about the authors

Peretyatko Artyom Y. – PhD in History, Lecturer, Taganrog Institute of A.P. Chekhov – Branch of Federal Statefunded Educational Institution of the Higher Education of the Rostov State Economic University (RINH) / ArtPeretatto@yandex.ru

The address: 48, st. Initiativnaya, 347936, Taganrog, Russian Federation.

Abdullaeva Karina T. – psychologist, Medical Center «Revital» / Carina1982@mail.ru

The address: 31, Orenburgskii lane, 344000, Rostov-on-Don, Russian Federation.